

М. В. Никифорова, А. П. Чудинов
Екатеринбург, Россия

ВАРИАНТЫ И СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ОППОЗИЦИИ «СВОИ — ЧУЖИЕ» В ДИСКУРСЕ МЭРА ЕКАТЕРИНБУРГА ЕВГЕНИЯ РОЙЗМАНА

АННОТАЦИЯ. Сопоставлены варианты и средства репрезентации концептуальной оппозиции «свои — чужие» в дискурсе Евгения Ройзмана в двух политических ситуациях: в первой Е. Ройзман выступал в роли кандидата на должность мэра Екатеринбурга, а во второй — в роли действующего мэра Екатеринбурга. Материалом для анализа послужили тексты интервью политика за период с июля 2013 по декабрь 2015 г. Цель статьи — выявить доминантные для указанного периода в целом и двух его этапов (избирательная кампания — деятельность мэра) варианты названной оппозиции и средства ее вербализации в диалогической коммуникации Е. Ройзмана.

Методы исследования: дискурсивный анализ, контекстуальный анализ, обобщение и интерпретация языкового материала, приемы дефиниционного анализа. Описываются равноуровневые языковые средства экспликации концептуальной дихотомии «свои — чужие», характеризуется поле оценочности и прагматический компонент данной дихотомии в речи Е. Ройзмана.

Сделан вывод о том, что основополагающим критерием размежевания на «своих» и «чужих» в индивидуальном дискурсе рассматриваемого регионального политика является территориальный признак, основанный на социокультурной идентичности / инородности. В дискурсе Е. Ройзмана базовая оппозиция «свои — чужие» регулярно трансформируется в частную оппозицию «жители Екатеринбурга — прибывшие (присланные) из Тюмени (Тюменской области) чиновники». Использование указанной оппозиции позволяет Е. Ройзману представить своих политических противников (и прежде всего губернатора Евгения Куйвашева) в качестве «чужих» для жителей Екатеринбурга и — шире — Свердловской области. Отмечены значительные различия при отнесении политических субъектов к числу «своих» и «чужих», с одной стороны, в период избирательной кампании, а с другой — в период работы по посту мэра.

Результаты проведенного исследования могут быть использованы при дальнейшем изучении специфики политической коммуникации, в том числе вариантов концептуальной оппозиции «свои — чужие» в дискурсе конкретных субъектов политической деятельности, а также при исследовании речевых портретов политиков.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: концептуальная оппозиция; политическая коммуникация; средства репрезентации; концептуальная метафора; «свои — чужие»; варианты речевого портрета.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Никифорова Марина Владимировна, аспирант, преподаватель, Российский государственный профессионально-педагогический университет, институт инженерно-педагогического образования; 620012, г. Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 11, к. 0-111; e-mail: armada29@yandex.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Чудинов Анатолий Прокопьевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного; 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 286; e-mail: ritmk@uspu.ru.

Давно известно, что политическая риторика (речевой портрет) кандидата на выборную должность существенно отличается от того, как и что говорит этот кандидат, победив на выборах и вступив в желаемую должность. В нашем исследовании указанные различия будут рассмотрены с точки зрения концептуальной оппозиции «свои — чужие», лежащей в основе сущностных представлений о бинарной организации мира. Это противопоставление «пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения» [Степанов 1997: 127]. В сфере политической коммуникации дихотомия «свои — чужие» играет ядерную, дискурсообразующую роль. Связанные с ней концептуальные векторы интеграции / сплоченности — разъединения / отчуждения «наделяет данную дихотомию идеолого-манипулятивным смыслом» [Кишина 2011: 177], что позволяет политикам воздействовать на широкие массы и внедрять в их сознание желаемые образы, ценности и стереотипы.

В литературе, посвященной исследованию политической коммуникации, пред-

ставлены многочисленные попытки систематизировать средства вербализации дихотомии «свои — чужие» на основании различных критериев: по языковому ярусу [Михалева 2004], по соотношению общеязыковых и специализированных знаков [Шейгал 2000], по сферам-источникам метафорической экспансии [Красильникова 2005; Чудинов 2001], по задействованным когнитивным механизмам формирования смысла [Нехорошева 2012]. В большинстве исследований описание данных средств осуществляется либо на совокупном материале текстов, принадлежащих разным политическим субъектам, либо на материале индивидуального дискурса политиков общегосударственного масштаба. Между тем, очевидно, что дискурсивные варианты и средства репрезентации дихотомии «свои — чужие» имеют определенную специфику в речи региональных политиков, в сфере деятельности которых преобладают региональные (в том числе муниципальные) проблемы. Не менее значимы в рассматриваемом контексте и особенности индивидуального стиля политического лидера, его жизненный и политический опыт.

В настоящей статье анализируются варианты и способы экспликации оппозиции «свои — чужие» в индивидуальном дискурсе широко известного на Урале политика, мэра г. Екатеринбурга Е. Ройзмана. Материалом для статьи послужили тексты интервью политика различным средствам массовой информации за период с июля 2013 по декабрь 2015 гг.

Темпоральное ограничение материалов исследования связано с тем, что на разных этапах своей общественно-политической деятельности Е. Ройзман выступал в разных амплуа. Широкая общественность узнала о Е. Ройзмани в 1999 г. как об одном из основателей фонда «Город без наркотиков», непримиримом борце с наркоторговлей и спасителе наркозависимых. Начало политической карьеры Е. Ройзмана пришлось на середину 2000-х годов, когда он был избран депутатом Государственной Думы РФ (2004 — 2007 гг.). После исключения из регионального предвыборного списка «Справедливой России» в 2007 г. Е. Ройзман вышел из партии и на несколько лет покинул большую политику, посвятив себя реставрационно-художественной и антинаркотической деятельности. Новый поворот политической карьеры Е. Ройзмана был связан с именем бизнесмена М. Прохорова, которого он поддержал на выборах президента страны в 2012 году. Е. Ройзман состоял в двух партиях, созданных по инициативе М. Прохорова, — сначала в партии «Правое дело», а затем в «Гражданской платформе». В сентябре 2013 года Е. Ройзман был избран на должность Главы Екатеринбурга — Председателя Екатеринбургской городской Думы. На посту мэра Е. Ройзман выступает как ярый защитник интересов жителей Екатеринбурга и оппонент нынешнего губернатора Свердловской области, «присланного Москвой» и тюменца по происхождению Е. Куйвашева.

Специальный анализ позволяет сделать вывод о динамическом характере противопоставления «свои — чужие» в индивидуальном дискурсе Е. Ройзмана: в зависимости от политической ситуации изменялись варианты названной концептуальной оппозиции («наркоторговцы — борцы с наркотиками», «честные люди — коррупционеры», «бюрократы — простые люди», «свердловчане — приезжие») и формы ее лексической репрезентации.

Лейтмотивом всех выступлений политика в период предвыборной борьбы за пост мэра становится фраза «Это мой город. Я здесь родился и вырос». По словам Е. Ройзмана, основной причиной выдвижения его кандидатуры на пост мэра г. Екатеринбурга,

стали непрекращающиеся конфликты с приезжими представителями региональной власти и правоохранительных органов в связи с деятельностью общественной организации «Город без наркотиков». В своих выступлениях Е. Ройзман последовательно использует оппозицию «свои — чужие», где «свои» — это местные жители, а «чужие» — приезжие чиновники и руководители силовых структур. К полю «чужих» политик также относит московских журналистов, освещавших предвыборные кампании кандидатов на пост Главы Екатеринбурга.

В период работы на посту мэра Е. Ройзман значительно расширяет круг «своих», включая в него не только население Екатеринбурга, но и сотрудников городской Администрации, депутатов городской Думы, а во многих случаях и всех жителей Свердловской области. Поле «чужих» в этот период, напротив, приобретает более очерченные границы: к «чужим» в речи Е. Ройзмана относятся «приезжие» чиновники, возглавляющие органы власти Свердловской области, и в некоторых случаях руководство области в целом. Таким образом, наиболее устойчивым и идеологически значимым параметром, по которому мэр Екатеринбурга дифференцирует социально-политическое пространство региона на «своих» и «чужих», становится территориальный признак, основанный на социокультурной идентичности / инородности [Власть ... 2004: 369], где круг «своих» носит исключительно гетерогенный характер и охватывает максимальное количество потенциальных сторонников, а круг «чужих», напротив, четко обозначен и включает в себя ограниченное число представителей региональной власти, которые, как правило, приехали (были присланы) из Тюменской области. В итоге базовая оппозиция «свои — чужие» конкретизируется и приобретает вид частной оппозиции: «жители Екатеринбурга — тюменские (по происхождению) чиновники (тюменский клан)». Показательна асимметрия этой оппозиции: руководителям Свердловской области противостоят не руководители, а «жители Екатеринбурга», причем при таком подходе Екатеринбург оказывается как бы вне границ Свердловской области.

Языковые средства, с помощью которых Е. Ройзман эксплицирует концептуальную оппозицию «свои — чужие», в основном представлены лексическими единицами, содержащими признак территориальной отнесенности. Так, номинативное поле «своих» в речи Е. Ройзмана составляют слова и словосочетания, в семантике которых актуализируется смысл «принадлежность Екатеринбург».

1. Обозначения органов муниципальной власти: *Горадминистрация, Гордума, Администрация Екатеринбурга, Глава города Екатеринбурга, муниципалитет, сити-менеджер, заместитель Главы города* и др.

2. Антропонимы — фамилии руководителей Екатеринбурга и депутатов городской Думы: *А. Яков, Е. Липович, М. Вяткин* и др.

3. Лексические единицы, в семантике которых в том или ином виде содержатся смыслы «житель Екатеринбурга», — *свердловчане, екатеринбуржцы, горожане, местные жители* а также их метонимические обозначения — *город, Екатеринбург, городская Дума*.

4. Ведущий репрезентант для «своих» — соответствующее местоимение (*свой*), которое, как правило, используется в сочетании с конкретизатором *город*, реже — *область*.

5. Важную роль играет личное местоимение *мы* и его варианты — *наш, нам, у нас*, реализующие когнитивный признак «сплоченности, единства».

Закономерно, что *мы* в речи Е. Ройзмана представляет разные референтные группы, то есть реализует разные значения: *мы* коллегиальное (фонд «Город без наркотиков» и предвыборный штаб Е. Ройзмана, а позднее сотрудники городской Администрации) и *мы* метонимическое (город Екатеринбург). В период предвыборной борьбы идеологически значимым становится значение *мы*, предполагающее стирание различий между политиком и избирателем и позволяющее ему отождествлять себя с жителями Екатеринбурга. Ср.: *Мы тут родились и выросли* [РС «Эхо Москвы». «Интервью». 08.09.2013]; *Они же принимают решения кулуарно // Они же у нас / жителей города / не спросили* // [РС «КП — Урал», «Политика: в России». 19.07.2013]. В должности мэра Е. Ройзман также регулярно употребляет *мы* и его падежные варианты в значении «жители Екатеринбурга», подчеркивая общность проблем и интересов мэра и населения города. Ср.: *У нас город привлекательный* [РС «КП — Урал». «Гость в студии». 11.06.2014]; *Это наш город, мы все здесь родились и выросли и поэтому можем себе позволить относиться друг к другу так, как мы этого заслуживаем* [РС «Эхо Москвы». «Интервью». 02.10.2014]; *У нас Екатеринбург — лучший город страны, и мы это понимаем* [rsn.ru. 15.07.2015].

В период работы на посту мэра особое значение в речи Е. Ройзмана приобретает *мы*, позволяющее ему идентифицировать себя как члена городской Администрации, часть городской команды управленцев. Ср.: *И нам совершенно понятно, чего хотят*

горожане. Мы стараемся, потому что тоже тут живем [siapress.ru. 16.12.2014]; *Мы все точно также в этом городе родились и выросли / и нам всем здесь жить / и нашим детям жить / и мы точно также считаем / думаем / ищем /приводим аргументы / то есть мы точно такие же / как все остальные жители* // [РС «Эхо Москвы. Екатеринбург». «Интервью». 13.07.2015]. *Регулярное использование мы в указанном значении свидетельствует о расширении круга «своих», о положительной динамике в отношении Е. Ройзмана к городской власти. Ср.: Я стал с большим уважением относиться к тем / которые были до меня // Я мог критиковать / мог какие-то резкие себе выражения позволить / я с ними воевал // А потом я зашел / ну смотрю / начинаю работать со статистикой / ну смотрю / город лучший по этим показателям / по этим // (...) И конечно / это вызывает уважение / я вынужден признать / что команда работала* // [gazeta.ru. «Главная тема». 14.04.2014].

Номинативное поле «чужих» также включает несколько групп лексических единиц, как нейтральных в аксиологическом отношении, так и содержащих пространственно-оценочные коннотации.

1. Обозначения органов власти и субъектов власти, — *губернатор, правительство области, Областное заксобрание, Администрация губернатора, региональные власти* и др.

2. Значительно реже используются антропонимы — фамилии руководителей Свердловской области (чаще всего Куйвашев и Силин).

3. Ведущий репрезентант для чужих — местоимение *чужой* и его семантические эквиваленты, реализующие в своем значении когнитивный признак *чуждости* — *приезжие, чужаки, пришельцы*, а также описательные обороты — *эти люди, чужие люди, странный человек, человек со стороны, командировочный* и др.

4. Топонимы и оттопонимные образования, реализующие значение «житель (уроженец) Тюмени (Тюменской области), прибывший, присланный из Тюмени (Тюменской области)», — *тюменцы, тюменские, родом из Тюмени, тюменский клан* и др.

5. Местоименные репрезентанты для «чужих» — *он, они, те, их* — реализующие когнитивный признак «отстраненности, удаленности».

Рассматриваемая оппозиция носит аксиологический характер, связанный с полем оценочности, которое, в свою очередь, включает разнообразные языковые средства

выражения отношения говорящего к объекту речи. Так, «свои» в речи Е. Ройзмана закономерно маркируются положительно-оценочной лексикой и пропозициями конструктивного действия, в то время как для указания на «чужих» активно используются отрицательно-окрашенные лексические единицы и пропозиции с отрицательной модальностью. Ср.: ...**Команда сильная, зарекомендовала себя. Все, кто здесь работает, родились здесь и выросли, дети здесь живут. Все учились в одних вузах, все друга друга знают. Хорошая команда, сильная. Понятно, что есть свои издержки, но плюсов значительно больше** [siapress.ru. 16.12.2014]; ... **я вынужден признавать, что команда здесь очень сильная, что здесь умеют работать** [Е1.ru. 25.12.2013]; **Это деньги / которые жители города заработали // И то что у нас их забирают / я считаю / что это неразумная / неконструктивная политика области / ну и в общем-то скажем прямо / плохое хозяйствование** // [ТК «41 — Домашний». «Открытая студия. Екатеринбург». 21.09.2015]; **В области не заложено денег вообще на детские сады / в этом году // Мало того / в области заложены деньги только на одну школу // ... Мы сейчас школы тянем все на свои деньги // ... То есть денег из области ни копейки нет на это** [ТК «41 — Домашний». «Открытая студия. Екатеринбург». 07.12.2015].

Анализ языкового материала позволил выявить два типа контекстуального окружения «чужих», содержащих оценочный компонент. **Первый связан с демонстрацией деструктивного характера деятельности областных властей в отношении Екатеринбурга и всей Свердловской области.** Ср.: **У нас города-миллионники постепенно поддушивают / Ну а нас поддушивают еще сильнее** // [ТК «РБК-ТВ». «Открытый вопрос». 28.11.2014]; **Принятый в первом чтении проект областного бюджета ставит Екатеринбург на грань выживания** [Пресс-конференция Е. Ройзмана. 26.11.14]; **Когда губернатор пытается город научить, у него спрашивают: «Зачем?» Он: «Я вас научу работать!» Так отъезжай 20 километров от города и областью займись. У тебя Ирбит разрушается на глазах, Белоярка замерзает, Сухой Лог без воды сидит в морозы. Дегтярск вообще исчезает. Займись, есть чем заняться** [siapress.ru. 16.12.2014]; **Бюджет очень скромный // Постараемся выживать // Уменьшается у нас потихонечку доходная часть / то есть отняли у нас еще два процента подоходного налога // Об-**

ласть отняла // Плюс у нас распоряжение неразграниченными землями ушло в область / плюс градостроительные полномочия / плюс полномочия по рекламе // [ТК «41 — Домашний». «Открытая студия. Екатеринбург». 07.12.2015]. В ряде фрагментов Е. Ройзман акцентирует проблему разобщенности региональной власти и жителей Екатеринбурга. Ср.: **Они же принимают решения кулуарно // Они же у нас / жителей города / не спросили** // [РС «КП — Урал». «Политика: в России». 19.07.2013]; **Видимо, у некоторых людей, которые попадают на такую высокую должность, происходит некоторое смещение. Он не понимает, что деньги, которые он дает, — не из его кармана** [siapress.ru. 16.12.2014].

Вторая разновидность контекстуальной оценки «чужих» связана с критерием профессионализма. Ср.: **Наша проблема — это именно губернатор-назначенец, который своим уровнем не соответствует уровню города** [РС «Радио Свобода». «Лицом к событию». 13.08.2013]; **Я стараюсь лишний раз не упоминать губернатора, но если доходит до этого, то да, я считаю основной проблемой несоответствие личного уровня уровню Екатеринбурга** [rsn.ru. 15.07.2015]; **Я вижу большую разницу между городской командой и губернаторской командой // То есть городская команда просто выше классом** // [66.ru. 26.01.2015]. Во многих фрагментах признак непрофессионализма «чужих» вербализуется при помощи статистических данных, косвенно указывающих на качество работы областной Администрации. Ср.: **У бюджета дефицит порядка 20 млрд // Долг сейчас Свердловской области порядка 32 млрд // и Госдолг / предполагаемый / вырастет до 84 и семи десятых млрд ... // Никогда в жизни у Свердловской области не было таких долгов** // [ТК «РБК-ТВ». «Открытый вопрос». 28.11.2014].

Размежевание на «своих» и «чужих» по территориальному признаку как проявление «регионального негативизма» [Шейгал 2000: 169] в речи мэра Екатеринбурга приводит к идеологизации изначально нейтральных в аксиологическом отношении лексических единиц. Так, обращает на себя внимание приписывание оценочных смыслов топонимам **Екатеринбург** и **Тюмень**. Родной город в речи Е. Ройзмана характеризуется исключительно положительно-оценочной лексикой и употребляется в контексте слов с яркой патриотической семантикой. Ср.: **Город Екатеринбург / самый сильный из всех миллионников** [ТК «РБК-ТВ». «Открытый

вопрос». 28.11.2014]; *Не забудьте своим детям сказать / что Екатеринбурга / это самый лучший город / нам здесь есть чем гордиться / и что беречь / и надо чтобы наши дети любили наш город* // [РС «КП — Урал». «Гость в студии». 27.02.2014].

Топоним Тюмень как город «чужих», напротив, маркируется отрицательно-окрашенными лексическими единицами и оскорбительно-саркастической тональностью. Ср.: *Представляете / приезжает человек из Тюмени и говорит / я у вас заберу // Зачем забирать-то? Ты лучше что-нибудь отдай!* [ТК «ЕТВ». «Сумма мнений». 29.09.2015]; *Никто не спросил мнение жителей города // Я считаю что это неуважение к жителям города // И в Екатеринбурге так нельзя // И каждый / кто приехал там из Тюмени / он должен понимать / здесь надо разговаривать с горожанами / с уважением* [ТК «41 — Домашний». «Открытая студия. Екатеринбург». 17.11.2014]. Топонимическая пара «Екатеринбург — Тюмень» становится, таким образом, идеологической оппозицией, в которой приписывание оценочного знака связано с качественными показателями уровня города, его статусом. Ср.: *У нас говорят: «Тюмень — столица деревень». Там свой уровень, здесь свой уровень* [РС «Радио Свобода». «Лицом к событию». 13.08.2013]; *Екатеринбург — это третий город страны* [ТК «Дождь». «Говорите с Ю. Таратутой». 14.04.2014]; *Замечательный / хороший город // Он действительно один из лучших городов в стране* // [РС «КП — Урал». «Гость в студии». 11.06.2014].

Оттопонимические номинации *тюменцы* и *тюменские* регулярно используются Е. Ройзманом как аксиологически маркированные знаки. Многократное упоминание данных лексических единиц в экспрессивно-оценочном контекстуальном окружении способствует «окачествлению» стабильного признака — нейтрализации языковой семантики «пространственной принадлежности» и, напротив, гиперболизации прагматического значения «низкого уровня профессионализма». Ср.: *Пока что приезжие тюменцы находят только один вариант / два варианта (...) Первое / брать кредиты // А второе / доить Екатеринбург // Ну это слишком простой / я бы сказал / примитивный способ хозяйствования* // [РС «Эхо Москвы. Екатеринбург». «Интервью». 05.10.2015]. В одном из интервью Е. Ройзман, говоря о тюменских чиновниках в руководстве Свердловской областью, использует метафору родства, акцентируя не толь-

ко признак социокультурной инородности «чужих», но и их непрофессиональные методы политической деятельности, в частности, принцип формирования политического окружения, основанный на общности пространственной принадлежности. Ср.: *У нас у власти сейчас находится тюменский клан // Губернатор приезжий у нас // Он собрал вокруг себя тюменцев* // [ТК «41 — Домашний». «Послесловие к новостям». 14.10.2015].

Таким образом, дифференциация социально-политического пространства региона на «своих» и «чужих» по признаку социокультурной идентичности / инородности приобретает в индивидуальном дискурсе мэра Екатеринбурга Е. Ройзмана идеолого-манипулятивное значение. Е. Ройзман приписывает стабильному признаку, каковым является пространственная принадлежность политического субъекта, качественные характеристики, создавая принципиально неравнозначное, но прагматически эффективное противопоставление: «свои», то есть жители Екатеринбурга — хорошие, «чужие», то есть тюменские чиновники — плохие.

Активно для номинации «чужих» Е. Ройзман также применяет лексемы назначенец и приезжий. Первоначально стилистически нейтральные (назначенец: *лицо, назначенное кем-нибудь на какую-нибудь ответственную административную должность, а также тот, кто назначен администрацией для выполнения какого-нибудь дела, поручения* [<http://www.ozhegov.org/words/17074.shtml>]; приезжий: *приехавший откуда-нибудь, не здешний* [<http://www.ozhegov.org/words/26788.shtml>]), в контексте употребления данные лексические единицы приобретают манипулятивно-прагматическое значение, становясь идеологическими ярлыками. По замечанию Р. Бахема, «важным лингвистическим фактором, способствующим превращению нейтрального слова в инвективный ярлык, является его многократное упоминание в негативном контексте, благодаря чему оно буквально «включивается в сознание», конденсируя в себе привнесенные контекстом негативные ассоциации» [цит. по Шейгал 2000: 174]. Помещая указанные существительные в негативный контекст, Е. Ройзман придает им устойчивый неодобрительный оттенок. Ср.: *Мелкие назначенцы решают все свои проблемы за счет федеральной власти. И федеральная власть несет огромные имиджевые убытки именно за счет бестолковых назначенцев* [РС «Радио Свобода». «Лицом к событию». 13.08.2013]; *Представляете / ситуация какая // Губернатор / назначенец /*

приезжий // Начальник полиции / приезжий / назначенец // Начальник городской милиции / приезжий // Министр культуры / приезжий // Министр здравоохранения / приезжий // Министр финансов / приезжий // И сейчас еще Куйвашев хочет своего сити-менеджера / поставить управлять городом // [РС «КП — Урал». «Политика: в России». 19.07.2013].

Акцентируя тему губернаторов-назначенцев и регулярно подчеркивая собственный статус избранного Главы города, Е. Ройзман вводит дополнительный параметр определения *свойственности / чуждости* — противопоставление по признаку *избранный / назначенный*, который, с одной стороны, усиливает признак чуждости политических оппонентов, а с другой стороны, становится средством формирования образа народного мэра, политика из народа и для народа, который, будучи избранным должностным лицом, в отличие от чиновников-назначенцев из областного правительства, в своих действиях ориентируется исключительно на интересы жителей Екатеринбурга. Ср.: *Меня избрали / и срок моей работы пять лет // Я честно отношусь к своей работе / и я буду работать до конца // Уже просто потому что доверили / такой аванс от людей // [ТК «ЕТВ». «Сумма мнений». 29.09. 2015].*

Специфическим в речи Е. Ройзмана представляется также использование многообразных обозначений «чужих»: это местоимение *чужой* и его контекстуальные синонимы — *приезжие, чужаки, пришельцы, эти люди, чужие люди, приезжие люди, странные люди, человек со стороны, командировочный* и др. Употребление указанных слов нередко придает речи Е. Ройзмана оскорбительную и иронично-саркастическую тональность. Ср.: *Если эти деньги (два процента НДФЛ — прим.авт.) отнимут / это просто показывает отношение чужаков / пришельцев к Екатеринбургу // [ТК «41 — Домашний». «Открытая студия. Екатеринбург». 21.09.2015]; Противостояние между городом и областью существует уже 200 лет. <...> Но очень сложно совместить идеологию коренного жителя с мировосприятием командировочного [Пресс-конференция Е. Ройзмана. 24.12.2014]; Когда приезжие люди начинают в чужом городе / заниматься вот этими вещами (об изъятии у Екатеринбурга градостроительных полномочий — прим.авт.) это потом нашим потомкам предстоит расхлебывать // [РС «Эхо Москвы. Екатеринбург». «Интервью». 05.10.2015]. Высмеивание, являющееся распространенным приемом понижения статуса оппонента в политической коммуникации, также направлено в*

высказываниях Е. Ройзмана на демонстрацию непрофессионализма «чужих» и низкого уровня их мотивации в развитии столицы региона.

На текстовом уровне проявлением дихотомии «свои — чужие» становится дейктическая оппозиция «мы — они» и ее варианты. Прием апелляции к пространственной принадлежности в этом случае приобретает два вектора реализации: самоидентификации с жителями города и одновременного указания на социокультурную инородность «чужих». Е. Ройзману, таким образом, удается, с одной стороны, идентифицировать себя как члена одной с горожанами референтной группы и, с другой стороны, отмежеваться от властного регионального центра. Ср.: *Эти люди приехали и уехали / а нам-то здесь жить / мы отсюда уезжать не собираемся // [РС «КП — Урал». «Политика: в России». 19.07.2013]; И когда города-миллионники хотят отдать приезжим назначенцам / чтобы они решали / не те люди / которые здесь родились и выросли / у которых дети здесь живут / и которые не уезжают отсюда / а людям / которые сегодня пришли / завтра ушли / наделали долгов / исчезли / это же все нам остается / это же нам надо платить // [РС «Эхо Москвы Екатеринбург». «Интервью». 09.06.2014]. В ряде интервью политик применяет тактику поляризации [Руженцева 2004: 86]: параллельное противопоставление *мы* и *они* реализует прием «игры на повышение» — создание положительного образа «своих» на фоне намеренного понижения политического статуса оппонентов. Ср.: *Бюджет очень сложный. Но, к нашей чести будет сказано, у нас нет долгов. Это очень большое достижение. У области уже сейчас долг 32 млрд рублей, и в следующем году его могут догнать до 90 млрд. И когда все это произойдет, нам придется подставить области плечо. Если мы не планируем уезжать из этого города и здесь останутся жить наши дети, то платить эти долги будем мы, которые здесь родились и выросли, а не те несколько тюменцев, которые их занимали и которые рано или поздно уедут [Пресс-конференция Е. Ройзмана. 26.11.14]; У городов очень большие претензии к областным властям // (...) Совсем бы не хотелось / чтобы они так хозяйствовали / чтобы потом нашим детям за них пришлось платить // Поэтому мы за собой хотя бы очень внимательно смотрим / и их пытаемся контролировать [ТК «41 — Домашний». «Открытая студия». 07.12.2015].**

Параллельное противопоставление «своих» и «чужих» реализуется также в метафорических репрезентациях дихотомии. Анализ текстового материала демонстрирует высокую частотность и значительный прагматический потенциал милитарной и криминальной метафор. С помощью метафоры войны Е. Ройзман характеризует «своих» и «чужих» как военных соперников, при этом областное руководство выступает в роли врага, агрессора, а обороняющейся стороной является город и городская Администрация. Ср.: *Ситуация очень накалена / ситуация очень политизирована // Понятно / что существует противостояние города и области // [РС «КП — Урал». «Гость в студии». 11.06.2014]; Город находится в обороне, сопротивляется, потому что губернаторы меняются, как перчатки, а городу скоро 300 лет. И каждый из губернаторов считает своим долгом город как-то подчинить [siapress.ru. 16.12.2014]; Как только я уйду / я открываю дорогу тюменцам // Так получилось / что вся юридическая конфигурация управления Екатеринбургом / она замкнута на меня // Понятно / что уже по этой причине / я просто в мишень превращаюсь // Поэтому я понял / что вот я только отойду /я просто открою ворота / ну в такой / осажденной крепости // [Пресс-конференция Е. Ройзмана. 24.12.2015].*

С помощью криминальных метафор Е. Ройзман постоянно характеризует нечестные, преступные методы и инструменты политической борьбы, характерные для его политических противников. Оппозиция «свои — чужие» метафорически переосмысливается в оппозиции «жертвы — преступники». Ср.: *Никто не понял / что произошло // Но все поняли одну вещь / что мы имеем дело с наперсточниками // [РС «Эхо Москвы». «Интервью». 15.07.2015]; Это наша страна, мы ее хорошо знаем. Мы сейчас будем сто вариантов просчитывать — произойдет сто первый. Даже в последний момент из рукава достанут [РС «Эхо Москвы». «Интервью». 25.07.2015]; Вся реформа местного самоуправления / затевалась только / ради двух вещей / я считаю // Первое / это отмена прямых выборов мэров // Ну а второе / это дать возможность / через губернаторов-назначенцев / разным финансово-промышленным группам / добраться до последних неразграбленных активов / которые остались от Советской власти / это активы городов-миллионников // [РС «КП — Урал». «Интервью». 22.01.2015]. Метафоры становятся в речи мэра Екатеринбурга способом экспликации и экспансии оценки: с их по-*

мощью Е. Ройзман производит четкую поляризацию политического пространства региона на «своих» и «чужих», демонстрируя, с одной стороны, силу и независимость Екатеринбурга и, с другой стороны, губительный для города характер действий приезжих чиновников, возглавляющих областное правительство.

В целом анализ речевого материала позволяет обобщить основные свойства концептуальной оппозиции «свои — чужие», репрезентированной в индивидуальном дискурсе мэра Екатеринбурга Е. Ройзмана за период с июля 2013 по декабрь 2015 гг.

1. Варианты оппозиции «свои — чужие» в речи Е. Ройзмана во многом определяются политической ситуацией: к числу «своих» и противостоящим им «чужих» в период, с одной стороны, избирательной кампании, а с другой стороны — деятельности Е. Ройзмана на посту мэра, причислялись различные политические субъекты.

2. Доминантным смысловым вариантом оппозиции «свои — чужие» в предвыборных выступлениях Е. Ройзмана становится противопоставление по территориальному признаку, который организует социокультурную идентичность. В результате базовая оппозиция приобретает вид частной оппозиции «жители Екатеринбурга — «прибывшие из Тюмени чиновники», которым помогают приехавшие из Москвы руководители силовых структур и продажные журналисты.

3. Доминантным смысловым вариантом оппозиции «свои — чужие» в выступлениях мэра Екатеринбурга Е. Ройзмана остается противопоставление по территориальному признаку, однако в круг «своих» все чаще включаются руководители Екатеринбурга, а также жители всей Свердловской области. Одновременно приобретает более узкие границы круг «чужих», к числу которых относятся преимущественно тюменские «чиновники», возглавляющие органы власти Свердловской области, а также в некоторых случаях руководство области в целом.

4. Прагматический эффект рассматриваемой оппозиции усиливается за счет асимметрии: руководителям (которые обозначены как «чиновники») Свердловской области противостоят не руководители Екатеринбурга (или городские чиновники), а «жители Екатеринбурга», причем при таком подходе Екатеринбург оказывается как бы вне границ Свердловской области. Создается принципиально неравнозначное, но прагматически эффективное противопоставление: свои (жители Екатеринбурга) — хорошие, чужие (тюменские чиновники) — плохие.

5. Размежевание на «своих» и «чужих» по территориальному признаку приводит к

идеологизации стилистически нейтральных лексических единиц; так, идеолого-манипулятивное значение в речи мэра Екатеринбурга приобретают топонимы *Екатеринбург*, *Тюмень*, оттопонимические номинации *тюменцы*, *тюменские*, а также лексемы *назначенец*, *приезжий*, *командированный*, *избранный*.

6. Обращает на себя внимание стабильность способов языковой репрезентации концептуальной оппозиции «свои — чужие» и динамичность содержательного наполнения поля «своих» и поля «чужих». В дискурсе Ройзмана «свои» обозначаются как «мы», «екатеринбуржцы», «свердловчане», «местные», «наши». Соответственно «чужие» номинируются как «тюменские», «они», «приезжие», «пришельцы», «командировочные». Два названных периода объединяют и доминантные концептуальные метафоры, среди которых наиболее активны милитарные и криминальные образы. Такая стабильность в определенной степени делает менее заметным отмеченное выше существенное изменение круга политических субъектов, относимых соответственно к числу «своих» и «чужих».

7. Прагматический мобилизующий потенциал различных по своей природе языковых средств репрезентации концептуальной дихотомии «свои — чужие» в политической коммуникации заключается в их способности оказывать формирующее влияние на мнение массового адресата. В индивидуальном дискурсе Е. Ройзмана апелляция к территориальному признаку способствует, с одной стороны, интеграции мэра Екатеринбурга с жителями Екатеринбурга и — шире Свердловской области, а с другой — понижению политического статуса политических оппонентов за счет отнесения их к полю «чужих».

ЛИТЕРАТУРА

1. Асташова О. И. Динамика оппозиции «свой — чужой» в речевом портрете Н. Ю. Белых // Современная политическая

лингвистика: тезисы междунар. науч. конф. — Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2011. — С. 25 — 27.

2. Балашова Л. В. Реализация концептов «свой — чужой» в российском политическом дискурсе начала XXI в. // Политическая лингвистика. 2014. № 1 (47). С. 40 — 50.

3. Власть в русской языковой и этнической картине мира: монография / Ермаков С. В., Ким И. Е., Михайлова Т. В. и др. — М.: Знак: Языки славянской культуры, 2004 г. — 408 с.

4. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. — М.: Издательство ЛКИ, 2008. — 288 с.

5. Кишина Е. В. Семантическая оппозиция «свой — чужой» как реализация идеолого-манипулятивного потенциала политических дискурсов // Вестник КемГУ. №4 (48) 2011. С. 174 — 179.

6. Кобец Е. В. Коммуникативно-прагматическая специфика политического дискурса (на материале речей А. И. Лебедя): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01.- Абакан, 2012. — 26 с.

7. Красильникова Н. А. Метафорическая репрезентация лингвокультурологической категории СВОИ — ЧУЖИЕ в экологическом дискурсе США, России и Англии: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. — Екатеринбург, 2005. — 208 с.

8. Михалева О. Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — Иркутск, 2004. — 25 с.

9. Нехорошева А. М. Механизмы формирования когнитивной матрицы «свой — чужой» в немецком политическом дискурсе (на примере выступлений Ангелы Меркель) // Политическая лингвистика. 2012. № 2 (40). С. 140 — 144.

10. Осетрова Е. В. Речевой портрет политика: содержательная и коммуникативная составляющие // Лингвистический ежегодник Сибири. 1999. № 1. С. 58 — 66.

11. Паршина О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: дисс. ... докт. филол. наук: 10.02.01. — Саратов, 2005. — 325 с.

12. Руженцева Н. Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе: монография. — Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2004. — 294 с.

13. Синельникова Л. Н. Политический дискурс Украины: территория раздора // Современная политическая лингвистика: проблемы, концепции, перспективы: сб. науч. тр. — Волгоград: Перемена, 2009. С. 207 — 223.

14. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. — М., 1997. — 482 с.

15. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000): монография. — Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2001. — 238 с.

16. Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учеб. пособие / А. П. Чудинов. — Москва: Флинта: Наука, 2006. — 256 с.

17. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01; 10.02.19. — Волгоград, 2000. — 440 с.

M. V. Nikofova, A. P. Chudinov
Ekaterinburg, Russia

VARIANTS AND REPRESENTATION MEANS OF 'FRIEND OR FOE' CONCEPTUAL OPPOSITION IN THE INDIVIDUAL DISCOURSE OF EU. ROIZMAN, MAYOR OF YEKATERINBURG

ABSTRACT. The paper compares variants of 'friend or foe' conceptual dichotomy in the individual discourse of Eu. Roizman in two political situations: in the first one Eu. Roizman was a candidate for the position of Mayor of Yekaterinburg, and in the second one — the present Mayor of the city. The analysis has been carried out on the interviews given by the politician over the period from July 2013 to January 2015. The purpose of the article is to identify dominant variants and linguistic means of representation of 'friend or foe' dichotomy in Eu. Roizman's dialogic communication for the considered period on the whole and its two stages in particular (the pre-election campaign and the mayor activity).

There have been used the following methods of study: discourse analysis, contextual analysis, generalization and linguistic material interpretation, definition analysis. The authors describe various means of 'friend or foe' dichotomy explication; characterize its evaluation field, and its pragmatic component, expressed in Eu. Roizman's speech.

It has been concluded that in the politician's discourse the basic parametre differentiating the political space of the region into friends or foes becomes the territory criterion that is based on socio-cultural identity / heterogeneity. The basic opposition 'friend or foe' is regularly transformed into a particular opposition 'residents of Yekaterinburg — officials, sent from Tumen (Tumen region)'. Using the considered opposition allows Eu. Roizman to represent his political opponents (first of all the Governor of Sverdlovsk region Eu. Kuivashev) as 'foes' to the residents of Yekaterinburg and even broader — of Sverdlovsk region. There have been found out essential differences in 'friends' and 'foes' fields formation during the pre-election campaign, on the one hand, and in the period of Eu. Roizman's mayor activity, on the other hand.

The results of the analysis can be used for further investigation of political communication, including the study of variants of 'friend or foe' conceptual opposition in the discourse of specific political figures, as well as for describing politicians' speech portrait variants.

KEYWORDS: *conceptual opposition; friend or foe; political communication; means of representation; conceptual metaphor; speech portrait variants.*

ABOUT THE AUTHOR: *Nikiforova Marina Vladimirovna, Post-graduate Student, Lecturer, Russian State Vocational Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia.*

ABOUT THE AUTHOR: *Chudinov Anatoly Prokovievich, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

REFERENCES

1. Astashova O.I. Dinamika oppozitsii 'svoy' — 'chuzhoy' v rechevom portrete N.Yu.Belych // *Sovremennaya politicheskaya lingvistika: tezisy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii.* — Yekaterinburg, 2011. S. 25 — 27.
2. Balashova L.V. Realizatsiya kontseptov 'svoy' — 'chuzhoy' v rossiyskom politicheskom diskurse nachala XXI veka // *Politicheskaya lingvistika.* 2014. № 1 (47). S. 40 — 50.
3. Vlast' v russkoy yazykovoy i etnicheskoy kartine mira / Ermakov S.V., Kim I.Ye., Mikhailova T.V. i dr. — M.: Znak: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004. — 408 s.
4. Issers O.N. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi. — M.: izdatel'stvo LKI, 2008. — 288 s.
5. Kishina Ye.V. Semanticheskaya oppozitsiya 'svoy' — 'chuzhoy' kak realizatsiya ideologo-manipulyativnogo potentsiala politicheskikh diskursov // *Vestnik Kemer.gos.univ-ta.* №4 (48) 2011. S.174 — 179.
6. Kobets Ye.V. Kommunikativno-pragmaticheskaya spetsifika politicheskogo diskursa (na materiale rechey A.I. Lebedya): avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. — Abakan, 2012. — 26 s.
7. Krasilnikova N.A. Metaforicheskaya representatsiya lingvokulturologicheskoi kategorii 'svoi' — 'chuzhiye' v ekologicheskom diskurse SShA, Rossii i Anglii: diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.20. — Yekaterinburg, 2005. — 208 s.
8. Michaleva O.L. Politicheskii diskurs kak sfera realizatsii manipulyativnogo vozdeistviya: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. — Irkutsk, 2004. — 25 s.
9. Nechorosheva A.M. Mechanismy formirovaniya kognitivnoi matritsy 'svoy' — 'chuzhoy' v nemetskom politicheskom diskurse (na primere vystuplenii A.Merkel') // *Politicheskaya lingvistika.* 2012. № 2 (40). C. 140 — 144.
10. Osetrova E.A. Rechevoy portret politika: sodержatel'naya i kommunikativnaya sostovlyayuschiye // *Linguistic annual of Siberia.* 1999. № 1. S. 58 — 66.
11. Parshina, O. N. Strategii i taktiki rechevogo povedeniya sovremennoy politicheskoy elity Rossii: diss.... dokt. filol.nauk: 10.02.01. — Saratov, 2005. — 325 s.
12. Ruzhentseva N.B. Diskreditiruyuschiye taktiki i priemy v rossiyskom politicheskom diskurse . — Yekaterinburg: Ural.gos.ped.univ-et, 2004. — 294 s.
13. Sinelnikova L.N. Politicheskii diskurs Ukrainy: territoriya razdora // *Sovremennaya politicheskaya lingvistika: problemy, kontsepcii, perspektivy: sbornik nauchnykh trudov.* — Volgograd, 2009. S.207 — 223.
14. Stepanov Yu.S. Konstanty: slovar' russkoi kultury. M., 1997. — 482 s.
15. Chudinov A. P. Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoye issledovaniye politicheskoy metafory (1991-2000). — Yekaterinburg: Ural.gos.ped.univ-et, 2001. — 238 s.
16. Chudinov A. P. Politicheskaya lingvistika. — M. : Flinta : Nauka, 2006. — 256 s.
17. Sheygal, E. I. Semiotika politicheskogo diskursa: diss.... dokt. filol.nauk: 10.02.01, 10.02.01. Volgograd, 2000. — 440 s.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. Е. В. Дзюба.